

В ГОСТИ К ПОЭТУ НА УЛИЦУ ПЕСТЕЛЯ

Отправляясь в гости, полируют ботинки и надписывают открытки скрипучим фломастером. Прихожая набита незнакомыми людьми. Запах «оливье» и апельсинов.

Но к поэту лучше всего приходит без приглашения. Необходимо знать только адрес. По дороге вспоминаете что-нибудь из раннего. Для полного блеска — Рильке, Цветаева... На ваш вкус. Лишь бы поэт был дома.

Среди множества звонков выбираю один — «общий».

Голос из-за закрытой двери:

— Что вы хотите?

— Извините, здесь жил Иосиф Бродский?

— Нам наплевать, кто здесь жил.

— Может, кто из жильцов помнит его или его родителей?

— Никто ничего не помнит. Убирайтесь.

Спускаюсь этажом ниже. Квартира двадцать пять. Сразу открывается дверь.

— Извините, вы Бродского не помните?

— Помню. Заходите.

Клавдия Ивановна. Как потом окажется, единственный человек, который не скрыл своего имени.

Клавдия Ивановна равнодушно вспоминает. Приехала сразу после войны. Бродские — где-то в это же время.

Сначала Ося был маленьким, учился в школе напротив. Потом вырос: борода. Слышала, ругали за тунеядство. Потом исчез. Ну а потом... — разводит руками. С родителями здоровалась.

— А вы знали, что он поэт?

— Да.

У меня такое чувство, будто примес «психронку». Только опоздал на двадцать лет.

Спрашиваю, может, помните какие-нибудь малозначительные детали? Приходили ли друзья или милиция? Перевел старушку через дорогу? Что-нибудь?

Вспомнила. Это бросалось в глаза. «Он был скромный. Очень скромный».

Рядом открывается дверь. Мужчина в возрасте Бродского, когда ему вручили Нобелевскую премию. Даже похож.

— Бродский? Мало знали их... Помню, приехал из командировки, сказал, что над Иосифом был суд. Мы еще смеялись — надо же, за тунеядство... Да таких, знаете, сколько было! Но что именно его?

Опять поднимаюсь на этаж к Бродскому. Звоню в соседнюю дверь. Звонок «общий». На пороге девушка:

— По-моему, жил тут такой. Мы здесь недавно.

— Он напротив жил.

— Вот как. Спасибо... Нет,

у нас в квартире его никто не помнит.

Поднимаюсь еще выше. Звоню. И — о, чудо! Меня приглашают в гости. Молодой человек проводит в комнату. Старинная мебель, круглый стол, два больших окна.

Бабушка его настороженно смотрит с другого края стола. Пока варится кофе, разговариваем.

— А зачем вы записали мою фамилию? Прошу вас, не надо. И если вас не пускали в квартиру к Бродским, то вы должны понять, почему. Ведь иначе они не смогут жить. Нормально.

То, что в нашем доме живет Бродский, узнала от студента Гриши — он жил у нас, пока учился в Университете. Прибжал домой радостный: «Знаете, я сейчас на лестнице видел Бродского!» Так и узнали. Отец Иосифа был очень элегантный мужчина. После смерти жены, Марии Моисеевны, жил один. Сам себя обслуживал. Разговаривался как-то с ним на лестнице. Говорю, сын ваш вехал, когда же вы? А он: «Сейчас нельзя, говорят. Не время». В последний день, говорят, занимался своими делами, выходил на кухню, потом сел в кресло и умер. Жена его, когда жива была, в последние годы ходила с палочкой. Ей, да и вообще Брод-

ским, хотели запретить пользоваться парадной дверью — только через черный ход. А ей необходим был лифт... Я работала на Пестеля в киоске (она произносит «Пестеля»). — М. Ш.) — часто ее видела.

Молодой человек приносит кофе и пирожные. Включается в разговор:

— А видели надпись на стене дома? «В этом доме жил Бродский». Как только она появляется, ее стирают. Она опять появляется. Рядом, заметьте, — сквернословие. Но его не трогают.

Допиваем кофе. Напоследок бабушка настойчиво просит меня не называть ее имени. На столе, рядом с чашками, бутылочка с каплями. «Юноша, я вас очень прошу...»

В коридоре клятвенно заверяю молодого человека — полное инкогнито. Он извиняется, да я мне неловко.

«Как жаль, что тем, чем стало для меня твое существование, не стало мое существование для тебя».

Р. С. По причинам, изложенным выше, номер квартиры и дома не указываю. Кто знает — тот знает.

Михаил ШАРОВ